№ 4. 16 февраля 1912 г. Годъ XXXVI.

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЪ 1 и 16 каждаго мѣсяца.

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Комитетъ по изысканію средствъ на постройку храма въ пос. Андреевѣ Кѣлецкой губ.—**переименованъ** въ церковно-строительный Комитетъ. Предсѣдателомъ его утвержденъ, по избранію, Начальникъ Андреевскаго уѣзда *Н. Гловацкій* (27/I).

Утверждены, по избранію, **въ должности старосты**: Рыпинской церкви *М. В. Дьяконовъ;* Брезинской, приписной къ Петроковскому собору,—*Ѳ. В. Сулковскій*; Млавской церкви—*В. Ѳ. Поповъ* и Маріинской на Прагѣ—*В. И. Короткевичъ*—на 2-ое трехлѣтіе.

Перемѣщены: въ пользахъ службы одинъ на мѣсто другого псаломщики: Томашевской церкви *П. Родинъ* и Лабненской—*В. Ничипорукъ* (1/II).

Отношеніемъ своимъ отъ 31/I № 1209 на имя Его Высокопреосвященства, Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства увѣдомилъ, что священники: 150 пѣх. Таманскаго полка *Ѳ. Павловъ* и Новогеоргіевскаго военнаго госпиталя *В. Пятницкій* **перемѣщены** одинъ на мѣсто другого.

Письмо къ Высокопреосвященнѣйшему Николаю Архіепископу Варшавскому и Привислинскому.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Произведенный въ истекшемъ 1911 году, по благословенію Святѣйшаго Синода, по всѣмъ церквамъ Имперіи за богослуженіями Вербнаго Воскресенія тарелочный сборъ на нужды православныхъ въ Іерусалимѣ и Святой Землѣ далъ почти повсемѣстно весьма неутѣшительные результаты; къ сожалѣнію, этотъ сборъ и по ввѣренной Вашему Высокопреосвященству Варшавской епархіи, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, поступилъ также въ меньшемъ размѣрѣ.

Въ виду приближенія недѣли Ваій, позволяю Себѣ вновь обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ убѣдительною просьбою сдѣлать распоряженіе по епархіи о производствѣ во всѣхъ церквахъ за богослуженіями Вербнаго Воскресенія сего года разрѣшеннаго Святѣйшимъ Синодомъ тарелочнаго сбора. Я не сомнѣваюсь, Владыко, что преуспѣяніе православно-русскаго дѣла въ Святой Землѣ столь же близко Вашему сердцу, сколько и Моему, а потому надѣюсь встрѣтить съ Вашей стороны теплое содѣйствіе къ болѣе успѣшному производству въ наступившемъ году вербнаго сбора—этого главнѣйшаго источника, дающаго средства для поддержанія и развитія благотворительно-просвѣтительной дѣятельности Общества въ Святой Землѣ.

Потребныя для производства сбора воззванія, правила, надписи къ сборнымъ блюдамъ и акты высланы одновременно въ Варшавскую Духовную Консисторію.

Испрашиваю Вашего Архипастырскаго благословенія и поручаю Себя и Общество Вашимъ святительскимъ молитвамъ.

Искренно къ Вамъ расположенная *Елисавета.*

20 Января 1912 г.
№ 45.

На семъ письмѣ послѣдовала слѣдующая Его Высокопреосвященства резолюція: „1912 г. 25 января. Въ Варшавскій Отдѣлъ Палестинскаго Общества. Напечатать это письмо и просить духовенство приложить усердіе и вниманіе къ этому дѣлу"

ВОЗЗВАНІЕ

передъ сборомъ пожертвованій на дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ, призрѣваемыхъ въ пріютахъ Братства во имя Царицы Небесной.

Православные христіане. Братство во имя Царицы Небесной взываетъ къ вамъ о помощи. Братство приголубило уже болѣе 500 дѣтей припадочныхъ, слабоумныхъ и калѣкъ, но остаются еще тысячи нуждающихся въ помощи. Отзовитесь, не дайте заглохнуть доброму дѣлу. Взирая на крестъ Христовъ, цѣлуя язвы гвоздинныя, вспоминая страданія за насъ претерпѣнныя, не забудемъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ такъ крѣпко любилъ Божественный Страдалецъ. И такъ какъ Онъ Самъ училъ, что добро, сдѣланное нуждающимся, сдѣлано Ему Самому: „понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе" (Мѳ. 25, 40), то доколѣ еще есть время, то послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа. И такъ какъ Владыка всяческихъ „милости хощетъ, а не жертвы" (Мѳ. 9, 13), и милосердіе дороже тысячи тучныхъ агнцевъ (Дан. 3, 40), то это-то милосердіе и принесемъ Ему, въ лицѣ бѣдныхъ несчастныхъ дѣтей, чтобы тогда, какъ мы отъидемъ отсюда, они приняли насъ въ вѣчные кровы (Лук. 16, 9), „Рука дающаго не оскудѣетъ". „Кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ" (2 Кор. 9, 6). „Блажени милостивіи, ибо они помиловани будутъ" (Мѳ. 5, 7). Аминь.

Адресъ Братства во имя Царицы Небесной: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большая Бѣлозерская улица, домъ № 1.

По благословенію Святѣйшаго Синода, въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ тарелочный сборъ на нужды русскихъ богомольцевъ у Живоноснаго Гроба Господня и на поддержаніе Православія въ Святой Землѣ производится такимъ образомъ:

1. Воззваніе о семъ сборѣ, а равно настоящія правила для его производства, печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

2. Духовная Консисторія заблаговременно доставляетъ во всѣ безъ исключенія церкви епархіи полученные отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества пакеты съ надписями для сборныхъ блюдъ, воззваніями и актами по сбору.

3. По полученіи въ церкви воззваній, священнослужители, на внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ по церквамъ и школамъ, по возможности, знакомятъ своихъ прихожанъ съ значеніемъ и цѣлью настоящаго сбора, при чемъ при входѣ въ церковь раздаются прихожанамъ безплатно воззванія, доставленныя для сего Обществомъ.

4. За недѣлю до дня сбора, къ наружнымъ входнымъ дверямъ церкви прикрѣпляютъ особое, на большомъ листѣ воззваніе Общества о предстоящемъ сборѣ.

5. Въ дни сбора молящіеся въ храмѣ ознакомляются съ значеніемъ и цѣлью сбора посредствомъ устной проповѣди или прочтенія съ амвона однаго изъ пастырскихъ собесѣдованій, особо на сей случай составленнымъ.

6. Самый сборъ производится посредствамъ обхожденія съ блюдомъ во время всѣхъ богослуженій праздника Входа Господня въ Іерусалимъ на литургіи послѣ чтенія Евангелія, а на всенощной или утрени—послѣ чтенія шестопсалмія).

7. Производство этого сбора принимаетъ на себя, буде пожелаетъ, одинъ изъ священнослужителей, или церковный староста, или тотъ изъ почетныхъ прихожанъ, котораго на сіе благословитъ о. настоятель или уполномочитъ мѣстный Отдѣлъ Общества.

8. О собранныхъ деньгахъ составляется актъ за подписью о. настоятеля, членовъ причта, церковнаго старосты и лица, производившаго сборъ.

9. Собранныя деньги вмѣстѣ съ актомъ, представляются, *не позже мѣсяца со дня сбора,* чрезъ благочиннаго, въ Духовную Консисторію, которая доставляетъ ихъ въ Совѣтъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества (С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36).

Отъ Варшавской Духовной Консисторіи.

(Къ свѣдѣнію и руководству духовенства).

Канцелярія Оберъ Прокурора Св. Синода, отношеніемъ отъ 12 Января 1912 года за № 424, относительно примѣненія дѣйствующаго Устава о гербовомъ сборѣ къ прошеніямъ священноцерковнослужителей объ увольненіи ихъ въ отпускъ разъяснила, что 1) означенныя прошенія подлежатъ оплатѣ простымъ 75 коп. съ листа гербовымъ сборомъ по п. 1 ст. 14 Уст. Герб. по прод. 1906 г., (п. 2, а, № 270 Алфавитнаго къ Гербовому Уставу Перечня—Собр. узак. и расп. Прав. за 1902 г. № 73, ст. 759). Такъ какъ засимъ, согласно № 212 Алфавитнаго перечня отпускные билеты священноцерковнослужителей должны быть признаны изъятыми отъ гербоваго сбора, то при подачѣ священноцерковнослужителями прошеній объ увольненіи ихъ въ отпускъ съ названныхъ лицъ подлежатъ взысканію двѣ 75 копѣечныя гербовыя марки лишь въ томъ случаѣ, когда по помянутымъ прошеніямъ посылаются отвѣтныя бумаги (за исключеніемъ от-

пускныхъ билетовъ) и 2) прилагаемыя къ разсматриваемымъ прошеніямъ подписки лицъ, взявшихъ на себя трудъ исполнять богослуженія и требы во время отъѣзда священноцерковнослужителей въ отпускъ, подлежатъ оплатѣ простымъ 75 копѣечнымъ съ листа гербовымъ сборомъ въ виду п. 1 № 243 Алфавитнаго Перечня, по коему приложенія къ прошеніямъ, объявленіямъ, жалобамъ и т. п. бумагамъ, дополняющія и развивающія подлежащія гербовому сбору прошенія (напр. объяснительныя записки, чертежи, планы, описи, проэкты уставовъ), подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ, какъ прошенія, за листъ.

ОТДѢЛЪ II.

Святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ всея Россіи[1]).

I.

17-го февраля 1912 года исполняется 300 лѣтъ со дня мученической кончины Святѣйшаго Гермогена, патріарха всей Россіи.

Время, въ которое Господь благословилъ патріарху Гермогену быть Святителемъ русской церкви, было самое мрачное въ нашей исторіи, время гнѣва Божія, изліяннаго на наше отечество по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія. Разумѣемъ страшное время самозванцевъ.

И вотъ въ это-то время Господь воздвигнулъ въ нашемъ отечествѣ Святѣйшаго патріарха Гермогена Онъ неустрашимо сталъ на защиту церкви и отечества и запечатлѣлъ свою преданность православной вѣрѣ и родинѣ мученической кончиной.

Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій, родился въ Казани около 1530 года. Въ Казани же прошло его и дѣтство. Еще въ юношескомъ возрастѣ Гермогенъ уже находится въ Казани въ монастырѣ Спасо-Преображенскомъ, въ качествѣ клирика.

Монастырь Преображенія Господня незадолго предъ тѣмъ былъ основанъ въ Казани св. Варсонофіемъ. Великій основатель обители сдѣлался наставникомъ и руководителемъ Гермогена.

Недолго Гермогенъ оставался въ монастырѣ Спасо-Преображенскомъ Въ 1579 году мы видимъ его въ санѣ приходскаго священника г. Казани при церкви св. Чудотворца Николая.

Въ это время, въ 1579 году было явленіе чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, именуемой „Казанской". Когда въ присутствіи множества народа и духовенства, возглавляемаго Архіепископомъ Казанскимъ Іереміею, былъ открытъ чудотворный образъ, находившійся здѣсь Гермогенъ былъ такъ растроганъ при видѣ лика Пречистой Богоматери, что прослезился и выпросилъ у Архіепископа позволеніе принять чудотворный образъ на свои руки. Событіе это, разсказанное самимъ Гермогеномъ, замѣчательно особенно потому, что впослѣдствіи икона Богородицы Казанской, которую несъ на рукахъ своихъ Гермогенъ, была завѣщана имъ нижегородскому ополченію, мужественно возставшему подъ начальствомъ Минина и Пожарскаго, въ 1612 году на защиту погибавшаго отечества, и спасла Россію отъ ига польскаго.

Вскорѣ послѣ сего событія Гермогенъ опять вступаетъ въ обитель св. Преображенія, но уже архимандритомъ и настоятелемъ ея. „Какъ древо многоплодное, насажденное при водахъ", росла и распространялась при немъ святая обитель Спасо-Преображенская. Сюда стекалось много лицъ подъ руководствомъ мудраго настоятеля Гермогена.

Послѣ пастырскаго, настоятельскаго посоха св. Варсонофія, Гермогенъ долженъ былъ въ 1589 году принять въ руки свои святительскій жезлъ великаго Гурія, перваго Архіепископа Казанскаго. Гермогенъ былъ первымъ митрополитомъ Казанскимъ. Санъ митрополита онъ получилъ 13 мая 1589 г. отъ вновь поставленнаго патріарха русскаго Іова, въ присутствіи святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Іереміи, и управлялъ Казанской митрополіей въ продолженіи 17-ти лѣтъ. Памятникомъ Гермогена въ Казани и доселѣ служатъ мѣстные, имъ установленные, духовные праздники и церкви, воздвигнутыя его попеченіемъ.

Гермогенъ обратилъ вниманіе на печальное состояніе своей новопросвѣщенной Казанской паствы въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Много въ ней было новообращенныхъ изъ татаръ. еще не утвердившихся въ христіанской вѣрѣ и готовыхъ утратить ее, много было и давно обращенныхъ, которымъ грѣховная жизнь магометанства болѣе нравилась, чѣмъ строгость и чистота, заповѣдуемыя христіанствомъ. Тѣ и другіе, живя вмѣстѣ съ татарами, чувашами, черемисами и вотяками, пренебрегали обычаями христіанскими и держались обычаевъ татарскихъ. Митрополитъ Гермогенъ не могъ не скорбѣть духомъ о такомъ печальномъ состояніи своей паствы. Какъ добрый пастырь словеснаго стада Христова, Святитель старался словомъ своимъ вразумить заблуждающихся.

1595-й годъ принесъ новое утѣшеніе для жителей Казанской области. Въ этомъ году были открыты мощи святителей Казанскихъ Гурія и Варсонофія. Трогательно описываетъ самъ Гермогенъ это открытіе. „Это было,—пишетъ Святитель, 4 октября. И мнѣ, смиренному, пришлось повѣдать, что мы достигли до цѣльбоносныхъ гробовъ преподоб-

[1]) Заимствовано изъ Херсонскихъ Еп. Вѣдомостей; при этомъ значительно сокращено и измѣнено. Ред.

ныхъ отцовъ. Тогда, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, принесши Господу Богу жертвы и отпѣвъ панихиду, пришли мы въ монастырь и поклонились нетлѣннымъ гробамъ Гурія и Варсонофія. Сперва вскрыли гробъ Архіепископа Гурія, и чудное намъ представилось зрѣлище, какого не надѣялись видѣть: вся рака исполнена была благоуханнаго мѵра. Нетлѣніемъ одарилъ Господь Богъ честное тѣло св. Гурія". „Потомъ открыли мы,—продолжаетъ Гермогенъ,—раку преподобнаго Варсонофія, и увидѣли его мощи многимъ нетлѣніемъ почтенныя отъ Бога; не было даже никакой слабости въ суставахъ, какъ и у святаго Гурія". Поставивъ мощи угодниковъ Божіихъ поверхъ земли, Святитель Гермогенъ поспѣшилъ возвѣстить объ этомъ благочестивому царю и святѣйшему патріарху Іову и приступилъ къ написанію житія великихъ предмѣстниковъ своихъ на каѳедрѣ новопросвѣщенной Казани, отъ которыхъ проистекло христіанское просвѣщеніе и распространилось по всему краю, дотолѣ омраченному тьмою язычества.

Между тѣмъ, Промыслъ Божій готовилъ великое испытаніе для твердости Святителя Гермогена. На престолѣ Московскомъ сидѣлъ самозванецъ Отрепьевъ. Въ это время случилось быть въ Москвѣ Святителю Гермогену. По словамъ лѣтописи, Отрепьевъ предложилъ собору русскихъ святителей желаніе свое вступить въ бракъ съ Мариною Мнишекъ и просилъ у нихъ благословенія вѣнчаться съ ней въ соборной церкви, безъ принятія ею св. крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ самозванецъ хотѣлъ, чтобы его будущей женѣ Маринѣ Мнишекъ позволено было держать при себѣ духовника изъ іезуитовъ и имѣть во внутреннихъ покояхъ костелъ, гдѣ бы совершаемы были для нея католическимъ духовенствомъ латинскіе обряды. Льстивый грекъ, лже-патріархъ Игнатій, замѣстившій святѣйшаго Іова, угодникъ самозванца, безпрекословно соглашался на эти условія и отвѣчалъ только: „по твоей волѣ буди государь"! Прочія власти молчали изъ боязни опалы. Въ это время преосвященный митрополитъ Гермогенъ, Святымъ Духомъ наставляемъ, отвѣчалъ самозванцу: „христіанскому царю не подобаетъ брать за себя некрещенную и во Святую Церковь вводить и костелы римскіе строить. Не дѣлай такъ, царь, потому что никто изъ прежнихъ царей такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать". „Онъ же, окаянный растрига, говоритъ лѣтописецъ, распалился великою яростію и гнѣвомъ великимъ, повелѣлъ митрополита Гермогена сослать въ Казань и тамъ санъ святительскій съ него снять и въ монастырь заточить. Но, милостію Божіею, заключаетъ лѣтопись, сохраненъ былъ до смерти растриги Отрепьева". Господь не попустилъ долго торжествовать обманщику, Лжедимитрій скоро погибъ смертію позорной и ужасной. Трупъ его былъ сожженъ въ Москвѣ; пепелъ смѣшали съ порохомъ, зарядили имъ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ обманщикъ.

По смерти самозванца, въ 1606 году, взошелъ на престолъ новый царь, князь Василій Іоанновичъ Шуйскій. Первымъ дѣломъ его было учрежденіе въ Москвѣ собора для низверженія лжепатріарха Игнатія и возведенія на патріаршую каѳедру новаго іерарха. Еще живъ былъ въ Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ первый патріархъ Московскій, страдалецъ Іовъ; но онъ отъ печали и слезъ о бѣдствовавшей родинѣ лишился зрѣнія и не хотѣлъ возвратиться въ Москву, чтобы вновь принять патріаршій жезлъ, отнятый у него самозванцемъ. Онъ указалъ на великодушнаго митрополита Казанскаго Гермогена. Непрельщенный милостями Лжедимитрія, не устрашенный угрозами его, Архипастырь Казани представлялся всѣмъ столпомъ церкви, мужемъ непоколебимой твердости и добродѣтели. Къ тому же, 17 лѣтъ онъ мудро и заботливо правилъ Казанской паствою и былъ старѣйшимъ между святителями того времени. Все это располагало умы россіянъ въ его пользу, и пастыри русскіе, сшедшіеся на соборъ, единодушно подтвердили указаніе Іова и единогласно нарекли Гермогена патріархомъ Всероссійскимъ.

II.

Въ тяжелое, страшно тяжелое для управленія церковью время суждено было Святителю Гермогену взойти на патріаршій престолъ. Мрачно было тогда состояніе Россіи. Буря возстанія и народныхъ мятежей не утихла со смертію перваго самозванца. Безпрерывно являлись новые самозванцы. Велики были тогда бѣдствія Россіи: они грозили уничтожить ея самостоятельность и цѣлость отечества и церкви.

Святитель Гермогенъ, строгій и твердый характеромъ, мужественно встрѣтилъ собравшуюся надъ Россіей грозу, показалъ себя ревностнымъ поборникомъ св. церкви, защитникомъ истинныхъ сыновъ отечества, явился вѣрнымъ руководителемъ народа. Онъ поддержалъ упадавшее государство и православную русскую церковь среди тяжкихъ бѣдствій, подобныхъ которымъ не видала дотолѣ Россія.

Не успѣлъ еще царь Василій Ивановичъ Шуйскій принять въ руки кормило правленія государствомъ, какъ разнеслась въ народѣ вѣсть, что Димитрій живъ и бѣжалъ изъ Москвы, а вмѣсто него убитъ кто-то другой. Еще не всѣ города окончили присягу на вѣрность царю Василію Ивановичу Шуйскому, какъ толпы мятежниковъ, возстали во имя будто-бы спасеннаго Лже-димитрія. Города сѣверскіе первые начали измѣнять царю.

Что же дѣлаетъ при такихъ обстоятельствахъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ?

Прежде всего для того, чтобы убѣдить народъ въ самозванствѣ Отрепьева и показать народу, что истинный царевичъ Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго, дѣйствительно уже давно умеръ, патріархъ совѣтуетъ царю Василію Ивановичу перенести изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія. И вотъ, по царскому приказу, въ Угличъ отправляются избранные святители, вмѣстѣ съ боярами и духовенствомъ, для того, чтобы перенесть оттуда священные останки державнаго мученика царевича Димитрія. Когда св. мощи приближались къ Москвѣ, патріархъ Гермогенъ, вмѣстѣ съ царемъ, торжественно вышелъ на встрѣчу за городскія ворота. Царь велѣлъ открыть раку и показать мощи вѣрующимъ и невѣрующимъ, чтобы тѣшить однихъ и заградить уста другимъ; потомъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, несъ на себѣ открытыя мощи до церкви св. Михаила. Здѣсь въ придѣлѣ Іоанна Предтечи, гдѣ почивали тѣла царя Іоанна Грознаго и его сыновей Ѳеодора Ивановича и царевича Іоанна, было приготовлено мѣсто и для царевича Димитрія. Нетлѣнныя мощи св. мученика поставлены были поверхъ земли для всеобщаго чествованія и поклоненія. Патріархъ Гермогенъ постановилъ три раза въ годъ праздновать память св. мученика: въ день его рожденія, убіенія и перенесенія мощей изъ Углича въ столицу. Вся Россія должна была увѣриться, что тотъ, кто недавно называлъ себя именемъ царевича Димитрія, былъ на самомъ дѣлѣ обманщикъ и самозванецъ, что истинный царевичъ Димитрій погибъ отъ руки Годунова въ Угличѣ и уже прославленъ отъ Господа нетлѣніемъ своихъ мощей.

Между тѣмъ, мятежъ разростался день ото дня. Вскорѣ мятежники, подъ предводительствомъ своего вождя Ивана Болотникова, осадили самую столицу Московскаго государства и объявили Шуйскаго лишеннымъ престола. Явились измѣнники и въ самой Москвѣ.

Москва была въ ужасѣ. Доходили до нея слухи о новыхъ смутахъ, о пораженіи царскихъ войскъ, объ измѣнахъ и грабежахъ; подметныя письма Ивана Болотникова волновали народонаселеніе; его полчища пресѣкали ввозъ припасовъ въ Москву: столицѣ грозили голодъ и осада...

Но патріархъ не унываетъ. Твердо вѣруя въ Промыслъ Всевышняго и вполнѣ надѣясь на всемогущую помощь Божію, патріархъ Гермогенъ „заповѣдалъ, вмѣстѣ съ царемъ, всему народу три дня поститься и прилежно Господу Богу молиться" о дарованіи небесной помощи. Надежда на Всевышняго не посрамила вѣрующихъ. Многіе города, прежде колебавшіеся въ вѣрности царю, теперь, внявъ голосу Святителя церкви, вооружились и стали сражаться съ мятежниками.

Укрѣпивъ, такимъ образомъ, духъ вѣрныхъ Москвитянъ благотворной молитвой къ Всещедрому Создателю, Святѣйшій Гермогенъ позаботился воодушевить жителей другихъ русскихъ городовъ. Съ трогательными отеческими увѣщаніями постоять за вѣру, отечество и царя православнаго повсюду разсылалъ онъ окружныя грамоты, которыя надлежало читать во всѣхъ церквахъ. Святитель предписывалъ духовенству совершать молебствія о дарованіи побѣды царскому воинству.

Чтобы еще болѣе успокоить народное волненіе, Святитель Гермогенъ, по просьбѣ царя, рѣшилъ вызвать въ Москву престарѣлаго патріарха Іова. Посылая къ нему пословъ, Святитель Гермогенъ извѣщалъ доблестнаго старца, что самъ государь и царь русскій Василій Ивановичъ „посылаетъ молить святительство его, чтобы онъ совершилъ подвигъ—пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла: чтобъ, пріѣхавъ въ Москву, онъ простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ нарушеніи крестнаго цѣлованія и во многихъ клятвахъ". Отъ себя Святитель Гермогенъ прибавлялъ: „да и мы молимъ со всякимъ усердіемъ святительство твое и колѣна преклоняемъ: сподоби насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать пресладкій голосъ твой: несказанно желаемъ видѣть тебя и облобызать десницу твою". Святитель Іовъ, уже дряхлый и слѣпой старецъ, пріѣхалъ изъ Старицкаго монастыря въ Москву. Здѣсь, въ Успенскомъ соборѣ, 20 февраля 1607 года, открылось зрѣлище трогательное, доселѣ небывалое. Несмѣтныя толпы народа, жаждавшаго видѣть исповѣдника вѣры и отчизны, и слышать изъ устъ его завѣтное слово всепрощенія, наполняли и окружали св. храмъ. Оба патріарха явились въ Успенскій соборъ. Совершенъ былъ молебенъ, послѣ котораго Гермогенъ сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, а Іовъ въ простой монашеской одеждѣ вблизи патріаршаго мѣста. Тогда всѣ, находившіеся въ храмѣ съ воплемъ и плачемъ обратились къ Іову, просили у него прощенія и подали ему челобитную. Гермогенъ приказалъ своему архидіакону взойти на амвонъ и громко прочитать челобитную. Въ ней православные исповѣдывались предъ своимъ бывшимъ патріархомъ, какъ они клялись служить вѣрою и правдою царю Борису Ѳеодоровичу и не принимать вора, назвавшагося именемъ царевича Димитрія, и измѣнили своей присягѣ, какъ клялись потомъ сыну Бориса Ѳеодору Борисовичу и снова преступили крестное цѣлованіе, какъ не послушались его—страдальца патріарха, и присягнули Лже-димитрію, а потому умоляли теперь, чтобы первосвятитель простилъ и разрѣшилъ имъ всѣ эти ихъ преступленія и измѣны. По прочтеніи этой челобитной, патріархи Іовъ и Гермогенъ приказали тому же архидіакону прочесть съ амвона разрѣшительную грамоту, которая напередъ была составлена. Въ грамотѣ патріархи Гермогенъ

и Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молили Бога, чтобы Онъ помиловалъ виновныхъ и простилъ имъ согрѣшенія, и приглашали всѣхъ къ усердной молитвѣ, да подастъ Господь всѣмъ миръ и любовь, да устроитъ въ царствѣ прежнее соединеніе и да благословитъ царя побѣдами надъ врагами. Разрѣшительная грамота возбудила въ слушателяхъ слезы радости; всѣ бросались къ стопамъ Іова, просили его благословенія, лобызали его десницу, а онъ—благостный старецъ, убѣждалъ всѣхъ, чтобы, получивъ теперь разрѣшеніе, они уже никогда впредь не нарушали крестнаго цѣлованія. Народъ радовался, плакалъ отъ умиленія и далъ обѣщаніе впредь быть вѣрнымъ своей присягѣ. Спустя два мѣсяца послѣ этого, 15000 отрядъ царскаго войска измѣнилъ царю и подъ Калугой перешелъ на сторону Болотникова. Тогда Гермогенъ предалъ церковному проклятію Болотникова и главныхъ помощниковъ его, чего не дѣлалъ дотолѣ потому только, что еще надѣялся на ихъ раскаяніе. Но царскія войска продолжали трепетать предъ толпами мятежниковъ. Съ скорбью слышалъ объ этомъ патр. Гермогенъ; онъ старался возбудить мужество въ государѣ и убѣждалъ его самого принять участіе въ походѣ противъ враговъ. Въ лѣтописяхъ замѣчается, что царь Василій Ивановичъ „совѣтъ его благой съ великой любовію принялъ и самъ пошелъ противъ враговъ своихъ". Патріархъ своей грамотой извѣстилъ объ этомъ вѣрныхъ россіянъ и призывалъ всѣхъ молиться объ успѣхѣ похода.

Все это происходило, пока еще не явился второй Лже-димитрій, а измѣнники дѣйствовали однимъ его именемъ. Вскорѣ, 1-го августа, въ Стародубѣ объявился второй самозванецъ. Быстро собрались вокругъ него польскія дружины подъ предводительствомъ вождей Лисовскаго и Сапѣги, запорожскіе и донскіе казаки и многіе русскіе измѣнники. Самозванецъ двинулся къ Москвѣ и утвердился въ 12-ти верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ, отъ котораго и получилъ свое названіе „тушинскаго вора".

Борьба продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ: Москву не отдали самозванцу, но и его не прогнали изъ Тушина. Между Москвой и Тушинымъ установились постоянныя сношенія; многіе москвичи переходили въ Тушино, даже цѣловали крестъ Тушинскому вору, а потомъ возвращались въ Москву и возбуждали здѣсь недовольство царемъ. Были такіе, которые клялись въ вѣрности царю В. И. Шуйскому, а на слѣдующій день присягали самозванцу и получали награды отъ того и другаго. Иные нѣсколько разъ совершали такіе переходы; ихъ съ презрѣніемъ называли „перелетами". Измѣна, клятвопреступленія, кощунство надъ святынею стали дѣломъ обыкновеннымъ.

Среди самихъ Московскихъ бояръ явились попытки низложить царя Василія Ивановича Шуйскаго. 17-го февраля 1609 года крамольники громадной толпой собрались на площади около лобнаго мѣста, бросились за патріархомъ въ Успенскій соборъ и требовали, чтобы онъ шелъ на лобное мѣсто. Святитель Гермогенъ не хотѣлъ идти, его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его пескомъ и соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Поставивъ его на лобное мѣсто, заговорщики начали кричать народу, что царь Шуйскій избранъ незаконно, что „онъ тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братію нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ ихъ и дѣтей, и такихъ побитыхъ съ двѣ тысячи". Патріархъ спросилъ: „какъ же это могло статься, что мы ничего не знали"? Въ какое время и кто именно погибъ"? Заговорщики продолжали кричать: „и теперь повели многихъ, нашу братію, сажать въ воду и за это мы и стали"? Патріархъ опять спросилъ: „да кого же именно повели въ воду сажать"? Въ отвѣтъ закричали: „мы послали уже ворочать ихъ, уже сами увидите". Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру изъ Московскихъ полковъ отъ русскихъ людей: „князя-де Василія Ивановича Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ не угоденъ; изъ-за него всѣ распри и мятежи, междоусобія и самозванцы. Отъ чего намъ не избрать на мѣсто его новаго царя"?—„До сихъ поръ, сказалъ на это Гермогенъ, Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни другіе города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями. Вы забыли крестное цѣлованіе, въ немногомъ числѣ возстали на царя, хотите безъ вины свесть его съ царства, тогда какъ міръ того не хочетъ. Возставая на царя, вы возстаете на Бога, противитесь всему народу христіанскому, хотите поругать христіанскую вѣру и сдѣлать царству великое зло. Не принимаемъ вашего совѣта и другимъ не велимъ приставать къ нему. Молимъ Бога, чтобы сохранилъ на Россійскомъ царствѣ государя Василія Ивановича, котораго Онъ возлюбилъ". Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой. Посрамленные мятежники бѣжали въ Тушино.

Вслѣдъ за ними Гермогенъ послалъ въ Тушино ко всѣмъ измѣнникамъ, одну за другую, двѣ свои грамоты съ трогательными увѣщаніями опомниться русскимъ людямъ и отстать отъ измѣны. „Обращаюсь къ вамъ,—такъ начинается первая грамота,—бывшимъ православнымъ христіанамъ, а теперь не знаемъ, какъ и назвать васъ: ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ Церкви. Вы отступили отъ Богомъ вѣнчаннаго и св. елеемъ помазаннаго царя Василія Ивановича; вы забыли обѣты православной вѣры нашей,

въ которой мы родились, крестились, воспитались и возрасли; преступили крестное цѣлованіе и клятву стоять до смерти за домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство. Болитъ моя душа, болѣзнуетъ сердце, и всѣ внутренности мои терзаются, всѣ составы мои содрогаются. Посмотрите, какъ отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца; а мы, по данной намъ власти, примемъ васъ, и всѣмъ соборомъ будемъ молить о васъ Бога, и упросимъ государя простить васъ: онъ милостивъ и проститъ васъ":

Въ другой своей грамотѣ Святитель Гермогенъ говорилъ: „Мы ждали, что вы содрогнетесь, убоитесь праведнаго Судіи, обратитесь къ покаянію. А вы упорствуете и разоряете свою вѣру, ругаетесь надъ св. церковью, проливаете кровь своихъ родственниковъ и хочете окончательно опустошить свою землю. Не ко всѣмъ пишемъ это слово, но къ тѣмъ, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ, преступили крестное цѣлованіе, отъѣхали и измѣнили царю государю Василію Ивановичу и всей землѣ, и особенно Богу. Бога ради познайте себя и обратитесь; обрадуйте своихъ родителей, своихъ женъ и чадъ, и всѣхъ насъ. И мы станемъ молить за васъ Бога и бить челомъ государю, а вы знаете, что онъ милостивъ и отпуститъ вамъ ваши вины. Мы съ радостію и любовію примемъ васъ, и не будемъ порицать васъ за измѣну, ибо одинъ Богъ безъ грѣха".

Такъ, благодаря твердости патр. Гермогена, царь Василій Ивановичъ Шуйскій продолжалъ оставаться на престолѣ; но съ высоты его уже виднѣлась та бездна, которая разверзлась предъ нимъ. Въ самой столицѣ возобновились смуты. Причиною ихъ былъ ужасный голодъ. Лишенная подвозовъ, Москва истощила свои запасы. Бѣдные люди умирали съ голоду. Произошло волненіе. Въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ патр. Гермогенъ употребилъ все, чтобы водворить спокойствіе. Онъ призывалъ въ храмъ Успенія всѣхъ вельможъ, богачей, купцовъ и, вмѣстѣ съ царемъ, заклиналъ ихъ быть сострадательными къ бѣднымъ. Патріархъ убѣдилъ келаря Троице-Сергіевой Лавры, знаменитаго Авраамія Палицына, открыть для бѣдныхъ житницы св. Сергія, находившіяся въ Москвѣ. Голодъ прекратился, и волненіе утихло.

До сихъ поръ дѣйствія патріарха въ пользу царя увѣнчивались успѣхомъ. Но дни царствованія Василія Ивановича Шуйскаго уже были сочтены.

17-е іюля 1610 года заговорщики устремились на лобное мѣсто, послали звать туда патріарха и бояръ, отсюда перешли въ поле, за Серпуховскія ворота, и насильно увлекли за собой патріарха. Тутъ они стали кричать, что „царя Василія нужно свесть съ царства, что онъ—царь несчастный и виною всѣхъ золъ отечества". Всѣ съ этимъ согласились, даже присутствовавшіе на собраніи бояре. Одинъ Святитель Гермогенъ непреклонно стоялъ за царя, плакалъ, увѣщевалъ, заклиналъ удержаться отъ такого злодѣянія, объяснялъ, что за измѣну законному царю Богъ еще болѣе можетъ наказать Россію. Его не слушали,—и огорченный Святитель оставилъ беззаконное собраніе.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ насильно сведенъ съ престола. Вѣрный патріархъ еще разъ вышелъ къ народу и молилъ, заклиналъ его возвратить престолъ Василію Ивановичу и чистосердечнымъ раскаяніемъ загладить свою вину.

Но убѣжденіямъ Святителя не внимали, царя насильно постригли въ монахи и отвезли въ Чудовъ монастырь. Князь Тюфякинъ произносилъ священные обѣты за безмолвнаго Василія Ивановича, а Захарія Ляпуновъ крѣпко держалъ его во время постриженія. Никто не противился. Одинъ Гермогенъ возвысилъ свой голосъ въ защиту сверженнаго царя. Онъ не признавалъ инокомъ Василія Ивановича Шуйскаго, постриженнаго неволею, называлъ его мірскимъ именемъ, всенародно молился за него въ храмахъ, какъ за помазанника Божія, а князя Тюфякина, который вмѣсто царя произносилъ монашескіе обѣты, признавалъ за нечестиваго инока. Истощивъ всѣ свои убѣжденія, всѣ усилія въ пользу законнаго царя, патр. Гермогенъ, однако, не упалъ духомъ, но внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, имѣя постоянно въ виду независимость отечества и неприкосновенность св. православной вѣры.

III.

Сверженіе царя Василія Ивановича Шуйскаго съ престола подало поводъ еще къ большему усиленію зла.

Послѣ низложенія государствомъ стала управлять боярская дума во главѣ съ княземъ Мстиславскимъ. Мстиславскій предложилъ избрать царемъ польскаго королевича Владислава, чѣмъ немедленно было бы прекращено участіе поляковъ въ русскихъ смутахъ.

Не скоро принялъ Святитель Гермогенъ совѣтъ боярина Мстиславскаго о признаніи царемъ Россіи польскаго королевича Владислава, воспитаннаго въ догматахъ латинской вѣры. Онъ видѣлъ выгоды, какія представляло для государства избраніе Владислава, но видѣлъ и опасность, какая грозила православію, и долго убѣждалъ бояръ

не жертвовать выгодамъ государства выгодами церкви. „Нынѣ,—говорилъ воодушевленный св. ревностію Архипастырь,—чего еще ждете вы отъ поляковъ, только конечнаго разоренія царству, христіанству и православной церкви? или не возможно вамъ избрать на царство изъ князей русскихъ"?

Съ своей стороны Святитель Гермогенъ предлагалъ избрать на престолъ или князя Василія Васильевича Голицына, выдававшагося своимъ умомъ, или особенно указывалъ на юнаго четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита Филарета Никитича. Святитель указалъ на юнаго, едва извѣстнаго свѣту, питомца иноческой обители какъ потому, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ ближайшимъ родственникомъ царя Ивана Васильевича Грознаго по супругѣ его Анастасіи Романовнѣ, такъ и потому, что постриженіе его отца, безвѣстная жизнь его самого въ удаленіи отъ двора, дѣлали совершенно чистымъ его отъ всего того, чѣмъ запятнали себя многіе русскіе люди въ это мрачное время.

Бояре Московскіе говорили: „лучше служить королевичу Владиславу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ мятежниковъ и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться". Однако, патріархъ все еще настаивалъ на избраніи русскаго царя православнаго, не разъ онъ плакался предъ всѣмъ народомъ и просилъ его снова молить Господа Бога, чтобы Господь Богъ воздвигъ царя русскаго. Но такъ какъ смута достигла такихъ размѣровъ, что прекратить ее русскимъ боярамъ казалось невозможнымъ безъ помощи поляковъ, то предложеніе и увѣщанія Святителя Гермогена остались напрасными.

Патріархъ твердо рѣшился отстоять, по крайней мѣрѣ, неприкосновенность св. вѣры православной и независимость отечества. Святитель далъ свое согласіе на избраніе королевича Владислава, но при этомъ объявилъ боярамъ слѣдующее непремѣнное свое условіе: „если королевичъ,—сказалъ онъ,—оставитъ латинскую вѣру и приметъ вѣру греческую, то да будетъ такъ, и мы на это подаемъ благословеніе свое; если же латинскія ереси онъ не оставитъ, и поэтому нужно будетъ ожидать, что нарушена будетъ отъ него православная вѣра христіанская греческаго закона, то мы на это вамъ избраніе позволенія своего не даемъ, и не только не благословеніе, но и клятву отъ насъ за это на себѣ будете носить".

Эти убѣжденія патріарха имѣли благопріятное свое дѣйствіе. Бояре заключили съ представителемъ польскаго короля гетманомъ Жолкевскимъ договоръ, въ которомъ сказано было, что православная вѣра должна остаться въ Россіи неприкосновенною, и что къ королю будутъ „отправлены великіе послы бить челомъ, да крестится государь королевичъ Владиславъ въ вѣру греческую".

По совѣту Святителя Гермогена послами были избраны слѣдующія лица: Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, келарь Троице - Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ и другіе. Посламъ дали подробную инструкцію, которою они должны были руководиться въ переговорахъ съ королемъ.

Вмѣстѣ съ послами патріархъ отправилъ отъ себя письмо къ королю Сигизмунду, въ которомъ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру. „Даруй намъ сына своего,—писалъ онъ къ Сигизмунду,—въ нашу православную греческую вѣру, о которой прорекли пророки, которую проповѣдали апостолы, утвердили св. отцы крѣпко и нерушимо содержали всѣ православные христіане, и которая до сего времени красуется и свѣтлѣетъ и сіяетъ, какъ солнце. Даруй намъ царя, которымъ бы не разорилась христіанская вѣра. Если царь будетъ вѣренъ Богу, Богъ ради его отпуститъ согрѣшенія и его народу. Если царь будетъ невѣренъ, то еще большее зло наведетъ Богъ на землю, потому что царь есть глава землѣ и пастырь всему стаду словесныхъ овецъ".

Отправилъ Святитель Гермогенъ грамоту и къ королевичу Владиславу, въ которой убѣждалъ его принять вѣру греко-россійскаго закона и изображалъ предъ нимъ величіе православной Руси. „Не противься суду Божію, государь,—убѣждалъ Гермогенъ Владислава,—не отвергай просьбъ нашихъ и всего собора и царскаго синклита и всѣхъ православныхъ христіанъ. Возвесели своимъ крещеніемъ лики благовѣрныхъ, многіе лики христолюбиваго воинства и многія тьмы темъ народа; прими вѣру, которую, послѣ долгихъ изысканій, больше всѣхъ вѣръ возлюбилъ и принялъ благовѣрный великій князь Владиміръ отъ корсунскаго епископа".

Наконецъ, вмѣстѣ съ боярами, патр. Гермогенъ далъ посламъ наказъ, какъ дѣйствовать въ случаѣ несогласія королевскаго на какую либо статью, что отстаивать, что оговаривать, на что уступать.

Немедленно, по отъѣздѣ пословъ, гетманъ Жолкевскій началъ склонять бояръ къ пропуску поляковъ въ столицу. Чтобы лучше достигнуть желаемаго, онъ побудилъ клевретовъ своихъ: Михаила Салтыкова и другихъ распустить молву, будто бы чернь хочетъ пустить въ Москву самозванца, и что, потому, слѣдуетъ немедленно пустить поляковъ, такъ какъ Москва присягала не самозванцу, а королевичу польскому. Узнавъ объ этомъ, Гермогенъ послалъ за боярами и началъ со слезами убѣждать ихъ не вдаваться въ обманъ, искусно придуманный поляками. Но все было напрасно. Ночью съ 20 на 21-е сентября поляки вступили въ Москву и стали господствовать въ столицѣ.

Терпѣніе русскихъ истощалось. Но всѣ боялись поляковъ и молчали. Лишь одинъ патр. Гер-

могенъ, попрежнему, не скрывалъ крайняго своего нерасположенія къ полякамъ. „Упорствовалъ въ недоброжелательствѣ къ намъ, — писали ляхи, — одинъ только 80-ти лѣтній патріархъ, боясь государя иновѣрнаго". Ничѣмъ не могли расположить его къ себѣ поляки—ни хитростью, ни лестью.

Терпѣніе русскихъ получило новый ударъ. Получились вѣсти о коварствѣ поляковъ въ переговорахъ съ русскими послами. Король Сигизмундъ сталъ отклонять предъ послами не только вопросъ о крещеніи Владислава въ православную вѣру, но даже и вопросъ о его царствованіи въ Россіи. Онъ прямо заявилъ посламъ, что „не бывать королевичу на Московскомъ государствѣ". Въ Москвѣ скоро поняли желаніе короля самому царствовать въ Россіи. Съ одной стороны, его самолюбію льстило пріобрѣтеніе необозримыхъ областей русскихъ; съ другой—его съѣдала ревность къ католической вѣрѣ и желаніе распространить ее въ русской землѣ.

Дѣйствительно, Россія гибла Нельзя безъ содроганія читать о томъ, что совершалось на Руси въ эту страшную пору, которая названа въ исторіи „смутнымъ временемъ". Чего чего не натерпѣлась наша многострадальная Русь? Русскіе проливали кровь свою за воровъ и измѣнниковъ, которыхъ называли царями: служили имъ, добивались отъ нихъ почестей и наградъ; „Россію терзали свои болѣе, чѣмъ иноплеменники, сообщаетъ Авраамій Палицинъ, описавшій эту ужасную пору. Наши измѣнники были для ляховъ путеводителями и хранителями, первые и послѣдніе въ междоусобныхъ сѣчахъ. Всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели измѣнники предавали жестокой казни; сердца окаменѣли, умы омрачились. Гибли отечество и церковь, храмы Божіи разорялись; скотъ и собаки жили въ алтаряхъ. Медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ; вороны сидѣли станицами на трупахъ человѣческихъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи, ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою".

„Съ великимъ и тяжкимъ плачемъ и рыданіемъ многимъ,—какъ свидѣтельствуютъ древнія грамоты, — молили люди, чтобы великій святитель, на нихъ бѣдныхъ и насилуемыхъ призрѣлъ, вступился за свое, Богомъ данное, стадо и не далъ бы его на расхищеніе волкамъ и хищникамъ. И великій святѣйшій патріархъ Гермогенъ, видя конечную гибель государства, и что латинская „прелесть" (ересь) усиливается, а вѣра православная погибаетъ, разжегся любовью о Христѣ, не захотѣлъ отдать Богомъ избраннаго стада на расхищеніе, но укрѣпился вѣрою и мужествомъ". Патр. Гермогенъ неоднократно умолялъ поляковъ и просилъ ихъ мирно оставить Москву, Но поляки были глухи къ мольбамъ патріарха: они мечтали завладѣть всей Россіей.

Видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, доблестный Гермогенъ сталъ высказывать мысль о необходимости созванія общаго народнаго ополченія для возстановленія законнаго образа правленія на Руси и для изгнанія поляковъ. Тогда воевода рязанскій Прокопій Ляпуновъ началъ сноситься съ различными городами и собирать народное ополченіе.

Между тѣмъ, и Москва не оставалась спокойною. Нашлись люди горячіе, которые не могли скрывать до времени своихъ мыслей и стали открыто обнаруживать свое нерасположеніе къ полякамъ. „Начала, какъ говорится въ грамотахъ, становиться смута между москвичами". Поляки успѣли перехватить тайное письмо москвичей къ областнымъ жителямъ, и изъ него подробно узнали о народномъ заговорѣ напасть на поляковъ, какъ скоро народныя дружины подступятъ къ стѣнамъ столицы. Узнали и о главѣ такого всеобщаго возстанія—патріархѣ Гермогенѣ. Однако предпринять что-либо противъ патріарха пока не посмѣли.

Гораздо болѣе наглости выказали главные русскіе крамольники—Михаилъ Салтыковъ и его клевреты. 30-го ноября 1610 года они пришли къ патр. Гермогену и прямо стали просить его благословить народъ на присягу королю Сигизмунду. „Патріархъ благословить не согласился и у бояръ, по словамъ лѣтописца, за то съ патріархомъ брань была, и патріарха хотѣли за то зарѣзать". 6-го декабря мятежники снова пришли къ Гермогену и принесли ему для подписи двѣ грамоты, одну на имя короля Сигизмунда, другую—на имя пословъ московскихъ, отправленныхъ къ Сигизмунду. Въ первой грамотѣ говорилось, что всѣ россіяне во всемъ полагаются на волю Сигизмунда и совершенно готовы исполнить всѣ его приказанія, во второй—повелѣвалось посламъ не противиться желаніямъ королевскимъ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнники предлагали Гермогену послать приказаніе русскому ополченію, чтобы оно не ходило подъ Москву. Патріархъ, спокойно прочитавъ все написанное, твердо сказалъ собравшимся: „я согласенъ писать королю, но не о томъ и не такъ. Если король дастъ сына своего на московское государство, и Владиславъ, оставивъ латинскую вѣру, крестится въ православную вѣру греческую и всѣхъ литовскихъ людей изъ Москвы выведетъ вонъ, то я къ такому письму руку свою приложу и прочимъ властямъ повелю сдѣлать тоже самое, и васъ на сіе благословлю. А чтобы написать такъ, какъ вы пишете, что намъ всѣмъ нужно положиться на королевскую волю и повелѣть посламъ московскимъ сдѣлать тоже самое, то это будетъ значить, что намъ придется цѣловать крестъ самому королю, а

не королевичу. Такихъ грамотъ ни я, ни прочія власти подписывать не будемъ, и вамъ не повелѣваемъ. Если же вы меня не послушаете, тогда возложу на васъ клятву и прокляну всѣхъ, кто пристанетъ къ вашему совѣту. Къ возставшимъ же на защиту отечества гражданамъ писать буду такъ: если королевичъ приметъ единую вѣру съ нами и воцарится въ Россіи, то повелѣваю и благословляю васъ твердо пребывать во всякомъ послушаніи къ нему, но если и воцарится, а единыя вѣры съ нами не приметъ и людей польскихъ изъ столицы не выведетъ, то я и тѣхъ людей, которые ему уже крестъ цѣловали, снова благословляю идти подъ Москву и страдать за вѣру даже до самой смерти".

Этотъ геройскій отвѣтъ привелъ въ ярость Салтыкова, съ бранью выхватилъ онъ свой ножъ и замахнулся на патріарха. Святитель не потерялъ присутствія духа, осѣнилъ измѣнника крестнымъ знаменіемъ и громко сказалъ: „не страшусь ножа твоего, но силою креста Христова вооружаюсь противъ твоего дерзновенія, буди же ты проклятъ отъ нашего смиренія и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ".

Не смотря на противодѣйствіе патр. Гермогена, бояре отправили свои грамоты королю и русскимъ посламъ. Но успѣха не имѣли, потому что на грамотахъ не было подписи патріарха. Доблестный митр. Филаретъ, памятуя наставленія своего іерарха, отвѣчалъ, что повелѣній боярскихъ исполнить нельзя. Когда паны стали говорить, что патріархъ особа духовная и въ земскія дѣла не долженъ вмѣшиваться, послы отвѣчали: „изначала у насъ, въ русскомъ государствѣ, такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ, и съ ними совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не постановляли, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честью, и мѣсто имъ сдѣлано съ государемъ рядомъ. Теперь мы остались безъ государя, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный; безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ рѣшать не пригоже".

Къ этому времени не стало второго самозванца — тушинскаго вора: 11-го декабря онъ былъ убитъ. Узнавъ о погибели его, русскіе въ Москвѣ обрадовались и начали говорить между собою, какъ бы теперь имъ соединиться по всей землѣ и стать противъ литовскихъ людей и поляковъ. Удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, патріархъ Гермогенъ созвалъ весь народъ и торжественно объявилъ ему, что „Владиславу не царствовать, если не крестится въ православную вѣру и не вышлетъ всѣхъ ляховъ изъ державы московской". Началъ онъ разсылать грамоты по всѣмъ городамъ московскаго государства. Въ пастырскихъ увѣщаніяхъ своихъ Святитель ясно обнаруживалъ всѣ козни и злыя намѣренія поляковъ, возбуждалъ вѣрныхъ россіянъ отрясти уныніе духа и твердо вооружиться противъ притѣснителей. Воззванія патріарха вездѣ производили сильный подъемъ патріотическаго чувства русскихъ. Отовсюду слышались клики: „пойдемъ, умремъ за святыя Божія церкви и за вѣру христіанскую". Въ разныхъ городахъ стали собираться народныя ополченія и потянулись къ Москвѣ для освобожденія столицы и государства.

Великое дѣло, задуманное патр. Гермогеномъ, подвигалось все далѣе и далѣе. Скоро даже служившіе дотолѣ въ полкахъ короля Сигизмунда, русскіе бояре начали уходить къ предводителю народнаго ополченія Прокопію Ляпунову цѣлыми отрядами, даже тушинскіе мятежники примкнули къ рядамъ народной дружины, давъ клятву быть вѣрными государству московскому.

Такое единодушное возстаніе русскихъ и движеніе въ Москвѣ сильно встревожило поляковъ и московскихъ бояръ, преданныхъ Сигизмунду. Салтыковъ нѣсколько разъ приходилъ къ патріарху и требовалъ, чтобы онъ написалъ приближающимся къ Москвѣ русскимъ ополченіямъ, чтобы они прекратили дальнѣйшее движеніе и вернулись по своимъ домамъ. Гермогенъ, жизнь котораго всецѣло находилась въ рукахъ измѣнниковъ, мужественно отвѣчалъ: „напишу, чтобы возвратились, если ты и всѣ находящіеся съ тобой измѣнники и королевскіе люди выйдете вонъ изъ Москвы; если же не выйдете, то благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца; ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и разореніе св. Божіихъ церквей и не могу болѣе слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ". Измѣнники приставили къ Патріарху воинскую стражу, чтобы никто къ нему не могъ приходить.

Приблизилось торжество недѣли Ваій и заставило мятежниковъ освободить заключеннаго Гермогена. По принятому древнему обычаю, патріархъ, въ воспоминаніе шествія Христова въ Іерусалимъ, долженъ былъ ѣхать на конѣ отъ лобнаго мѣста до Успенскаго собора. Подражая шествію Спасителя въ Іерусалимъ на вольную страсть, патр. Гермогенъ готовился самъ на ожидавшую его томительную мученическую кончину. Уныло ѣхалъ онъ по опустѣвшимъ улицамъ города.

Во вторникъ страстной недѣли, 19 марта 1611 года, въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ. Поляки яростно бросились на грабежъ и кровопролитіе и, наконецъ, подожгли Москву съ разныхъ концовъ. Двое сутокъ горѣла беззащитная столица, безпрестанно поджигаемая поляками и совершенно опустѣла. Уцѣлѣли только Кремль да Китай—городъ, въ которыхъ засѣли сами поляки. На опустошенныхъ и сожженыхъ развалинахъ столицы

неистовствовали поляки, разоряя церкви Божіи, осверняя монастыри. Доблестный патр. Гермогенъ былъ свергнутъ съ патріаршаго престола и заключенъ сначала въ Чудовъ монастырь, а потомъ на Кирилловскомъ подворьѣ, и къ нему былъ приставленъ крѣпкій караулъ.

Между тѣмъ приблизилось къ Москвѣ русское ополченіе и съ нимъ воевода Прокопій Ляпуновъ, и стало сильно тѣснить засѣвшихъ въ столицѣ поляковъ. Изъ Китай-города они были уже вытѣснены и принуждены держаться въ одномъ Кремлѣ. Измѣнникъ Салтыковъ и поляки не разъ приходили къ узнику Святителю Гермогену и говорили: „вели ратнымъ людямъ, стоящимъ подъ Москвою, идти прочь; а если не послушаешь насъ, мы велимъ уморить тебя злою смертью". Гермогенъ отвѣчалъ: „что вы мнѣ угрожаете? Боюсь одного Бога. Если всѣ вы, литовскіе люди, пойдете изъ русскаго государства, я благословлю русское ополченіе идти отъ Москвы; но если останетесь здѣсь, я благословлю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру".

Къ несчастью, вскорѣ между воеводами народнаго ополченія возникли раздоры и лучшій изъ нихъ Прокопій Ляпуновъ былъ убитъ казаками. Всѣ преданные ему разошлись изъ—подъ Москвы. Искра любви къ отечеству, зажженная патр. Гермогеномъ, въ скоромъ времени снова загорѣлась яркимъ пламенемъ въ гражданахъ Нижняго Новгорода, и великій заточенникъ — іерархъ, крѣпкій адамантъ, мученикъ за вѣру и Русь, слалъ нижегородцамъ изъ душной темницы своей совѣты и наставленія, благожеланія и благословенія на святой подвигъ возстанія.

Грустно читать грамоту доблестнаго патріарха къ нижегородцамъ. Въ ней Святитель Христовъ, какъ бы уже предчувствуя, что это—послѣднее его слово изъ темницы, ободряетъ возставшихъ за отечество обѣщаніемъ вѣнцовъ небесныхъ, повелѣваетъ нижегородцамъ быть главою ополчающихся за родину, приказываетъ посылать во всѣ города пословъ и говорить вездѣ отъ его патріаршаго имени и обращается къ вѣрнымъ съ своимъ благословеніемъ: „всѣмъ вамъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ за то, что стоите за вѣру неподвижно, а я долженъ буду за васъ Бога молить".

Отселѣ уста Гермогена были замкнуты насильно. Грамота къ нижегородцамъ была послѣднимъ голосомъ заключеннаго въ темницѣ мужественнаго старца. Гермогенъ молчалъ, но за него говорили теперь другіе, грамоты и воззванія разсылали теперь доблестный архимандритъ Троице-Сергіевой лавры преподобный Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. На призывной голосъ ихъ дружины народныя закипѣли ревностью. Возсталъ въ Нижнемъ Козьма Мининъ, явился новый вождь русскаго ополченія, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, родныя къ Москвѣ на выручку церкви и отечества.

Возстаніе нижегородцевъ сильно взволновало поляковъ. Поляки и русскіе измѣнники снова явились въ темницу къ патріарху и стали уговаривать его, чтобы онъ отписалъ князю Пожарскому и всему Нижнему Новгороду оставить свои замыслы и не ходить къ столицѣ. Но обманулись. Съ сердечной радостью услышалъ Святитель изъ устъ измѣнниковъ вѣсть о нижегородскомъ ополченіи. Измѣнники стали грозить патріарху самою злою смертью, но маститый старецъ отвѣчалъ: „что вы мнѣ грозите злою смертью!?" и, указывая рукою на небо, продолжалъ: „единаго Бога боюсь, тамъ—на небесахъ живущаго!". Затѣмъ, простирая священныя руки свои къ странѣ, гдѣ находились ревностные защитники отечества, доблестный Святитель воскликнулъ: „да будутъ благословленны отъ Бога и отъ нашего смиренія тѣ, которые идутъ на очищеніе государства московскаго; на васъ же измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, и отъ нашего смиренія будьте прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!".

Озлобленные поляки и русскіе измѣнники рѣшились уморить доблестнаго мужа и перестали давать ему пить и ѣсть. 1612 года, 17 февраля, 300 лѣтъ тому назадъ, святѣйшій патріархъ Гермогенъ мученически скончался отъ голодной смерти въ душномъ заключеніи; тѣло его было погребено въ Чудовомъ монастырѣ.

Спустя 40 лѣтъ, послѣ кончины патр. Гермогена, тѣло его, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, изъ Чудовой обители перенесено было въ Московскій Успенскій Соборъ и поставлено поверхъ земли, подлѣ мѣднаго шатра ризы Господней. Входя западными дверями въ соборъ Успенскій, всякій можетъ видѣть на правой сторонѣ скромную гробницу патр. Гермогена.

Умеръ великій Святитель, но не умерло святое дѣло имъ задуманное. Усердныя молитвы патр. Гермогена ко Всевышнему о сохраненіи царства русскаго и святой вѣры православной были услышаны Господомъ: 21-го августа 1612 года ополченіе нижегородское, предводительствуемое доблестными Мининымъ и Пожарскимъ, вступило въ битву съ поляками подъ стѣнами московскими, а 22-го октября того же года знамя возставшихъ на защиту родины уже развѣвалось на стѣнахъ Кремля. Чудотворная икона Казанской Богоматери, которую завѣщалъ Гермогенъ ополченію нижегородскому, носима была предъ войсками и своею небесною помощью спасла Россію отъ ига иноплеменниковъ. Въ память сего избавленія святая Церковь русская и донынѣ празднуетъ иконѣ Казанской Богоматери 22-го октября. Исполнилось и другое желаніе патр. Гермогена: 21-го февраля 1613 года Россія, избавленная отъ ига иноземнаго, имѣла уже

своего царя русскаго, православнаго. Это былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, сынъ доблестнаго митрополита Филарета Никитича,—тотъ 16—лѣтній юноша, на котораго указывалъ знаменитый страдалецъ—Святитель.

По поводу мнѣнія М. Меньшикова о древѣ Животворящаго Креста Господня.

(Новое Время № 12874 отъ 14 января 1912 г.).

Въ виду большой читаемости газеты „Новое Время" и громаднаго числа почитателей сотрудника этой газеты г. М. Меньшикова, я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу выраженнаго Меньшиковымъ мнѣнія о лживости преданія, существующаго въ Іерусалимѣ и на православномъ Востокѣ, въ отношеніи „треблаженнаго древа" Животворящаго Креста Господня. Мнѣніе это высказано г. М. Меньшиковымъ въ № 12874 газеты „Новое Время" отъ 14 января 1912 года, въ статьѣ „Распутица въ церкви".

Г. М. Меньшиковъ въ этой статьѣ вполнѣ отрицаетъ существованіе преданія въ Палестинѣ о томъ, что Св. Животворящій Крестъ Христовъ сооруженъ изъ „треблаженнаго или трисоставнаго древа, посаженнаго праотцемъ Лотомъ послѣ совершенія имъ тяжкаго грѣха. Если же такія разсказки и существуютъ, то по мнѣнію г. Меньшикова, онѣ являются баснями и враньемъ.

Между тѣмъ такое преданіе въ Палестинѣ существуетъ и даже въ память его недалеко отъ Іерусалима по дорогѣ въ Горнюю основанъ греческій монастырь Св. Креста.

Совершивъ въ 1887 году путешествіе въ Св. Землю къ животворящему гробу Господню, я посѣтилъ и этотъ монастырь св. Креста, расположенный около Іерусалима, и вотъ что изложено мною въ моей книгѣ „Іерусалимъ и Св. Земля. Путешествіе Холмскихъ паломниковъ къ Гробу Господню. Изд. 3. Варшава. 1897" на стр. 139 и 140: „Монастырь Св. Креста, по преданію, основанъ въ первые вѣка христіанства и снаружи имѣетъ видъ четыреугольнаго укрѣпленія... Всѣ стѣны церкви испещрены живописью – изображеніями событій ветхаго и новаго завѣтовъ. Въ алтарѣ подъ престоломъ находится обложенное серебромъ круглое отверстіе. На этомъ серебряномъ кольцѣ изображенъ Авраамъ, дающій Лоту три дерева. По преданію, это—то самое мѣсто, на которомъ росло честное древо, срубленное на Крестъ Господень. Съ зажженными свѣчами паломники спускаются въ самую пещеру, которая устроена подъ алтаремъ и въ которой, по преданію, находились корни древа Животворящаго Креста Господня. На востокѣ существуетъ преданіе, что Лотъ, желая замолить одинъ свой тяжкій грѣхъ, по совѣту Авраама посадилъ въ землю три куска деревъ: кедра, кипариса и печва (т. е. финиковой пальмы), данные ему Авраамомъ „Если изъ этихъ трехъ деревъ вырастетъ одно дерево, тогда твой грѣхъ, простится тебѣ Богомъ" сказалъ Авраамъ, отдавая эти куски Лоту. Постоянно молясь Богу, каясь въ грѣхѣ своемъ и ухаживая за посаженными тремя кусками дерева, Лотъ въ концѣ своей жизни убѣдился въ томъ, что молитва его услышана и раскаяніе принято: изъ трехъ кусковъ дерева выросло одно трехсоставное дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ Крестъ, вознесшій на себѣ Искупителя міра. На основаніи этого преданія греки и устроили „монастырь св. честного Креста", въ которомъ нынѣ помѣщается также и высшее греческое богословское училище въ родѣ нашей духовной семинаріи съ 40 воспитанниками. Монахи въ этомъ монастырѣ дали намъ оловянныя иконки, на которыхъ изображенъ патріархъ Авраамъ, дающій Лоту три дерева".

Что преданіе это имѣетъ авторитетъ въ нашей Православной церкви, доказывается и тѣмъ, что въ Канонѣ Честному и Животворящему Кресту Господню (см. Молитвословъ Кіево Печерскія Успенскія Лавры. Кіевъ. 1873 г. стр. 225) пѣснь 8 имѣются слѣдующія слова: „Древо жизни и спасенія, древо безсмертія, древо разума, древо *трилюбезно*, нетлѣнно и неизнуряемо, кѣстъ *трисоставный*, честное древо, Троицы бо носитъ тріипостасныя образъ". *Григорій Бѣловъ.*

Мѣстныя извѣстія.

Наканунѣ св. четыредесятницы, Высокопреосвященный Николай, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій, прислалъ изъ Петербурга слѣдующее привѣтствіе Варшавской паствѣ: „Всю паству Варшавскую привѣтствую съ наступленіемъ святой четыредесятницы съ молитвеннымъ пожеланіемъ всѣмъ провести ее душеспасительно и въ радости встрѣтить и поклониться Христову Воскресенію. Господь милосердіемъ Своимъ да проститъ всѣмъ намъ наши прегрѣшенія. Архіепископъ Николай". Эта телеграмма тогда же, въ день прощенный, была прочитана въ каѳедральномъ соборѣ предъ окончаніемъ литургіи.

Объявленіе.

НАТУРАЛЬНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ВИНО
50 к. за бут.
РОГОМЪ (Cahor) 75 к.
изъ собств. садовъ
М. А. РОСТОМОВА,
улица Медовая № 4, въ Варшавѣ, церквамъ скидка.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Письмо къ Высокопреосвященнѣйшему Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому.—Воззваніе передъ сборомъ пожертвованій на дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ.—Отъ Варшавской Духовной Консисторіи.—**Отдѣлъ II.**—Святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ всея Россіи.—По поводу мнѣнія М. Меньшикова о древѣ Животворящаго Креста Господня.—Мѣстныя извѣстія.—Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей **А. Ковальницкій.**

Дозволено Цензурою—Варшава, 14 февраля 1912 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.